

ГЛАВА 2

Особенности советских источников

В ГОДЫ так называемой перестройки наблюдался стремительный взлет интереса общественности к отечественной истории и столь же неожиданное его падение, за которым стояла начавшаяся апатия, вызванная ухудшением уровня жизни, обострением политических противоречий.

Вместе с тем открылись хорошие условия для развития исторической науки, которая, несколько активизируясь, все же отставала от развития общественно-политической жизни страны, от новых социальных запросов. Переосмысление истории шло на площадях, в студенческих аудиториях, в производственных коллективах. Но научное переосмысление исторического прошлого невозможно без корректного источниковедческого анализа как уже известных, так и вновь вводимых в научный оборот исторических источников. Историк бессилен без фактического материала. А факты он может почерпнуть из исторических источников, качество и надежность которых справедливо поставлены под сомнение.

Ныне открыты спецхраны библиотек, рассекречены многие архивные фонды. Мы должны взглянуть на ранее известные документы по-новому. (Здесь и далее понятие «документ» употребляется в значении исторического источника.) Вот почему вопрос об оценке нашего документального наследия приобрел важнейшее значение.

Квалифицированная оценка документов прошлого - это область источниковедения. Тогда его роль как важнейшего оружия в руках историка должна возрасти. Источниковедческие методы дают возможность извлечь максимально достоверную информацию из документа. С этой целью необходимо прежде всего найти и выявить источники для решения поставленной задачи: установить авторство, датировку, происхождение, характер и роль изучаемого документа (типичен или уникален источник, имеет ли предварительную или окончательную редакцию, достоверен ли он, какова его представительность, насколько адекватно отражается в нем суть исследуемого явления), Далее выбирается методика анализа источника или группы источников. В этом, собственно, и состоят основные задачи источниковедения, причем центральной, стержневой задачей, безусловно, является вопрос, о достоверности источника.

Извлекая информацию из источника, важно помнить два существенных обстоятельства:

1. Источник не является объективным отражателем события, он дает лишь ту информацию, которую в нем ищет историк, отве-

чает только на те вопросы, которые историк ставит перед ним. И полученные ответы всецело зависят от заданных вопросов.

2. Источник не является объективным отражением истории и потому, что он передает событие через мировосприятие автора, его создававшего. Это обстоятельство имеет важное значение, ибо то или иное понимание картины мира, существующее в сознании создателя источника, так или иначе воздействует на те данные, которые он фиксирует.

Формула восприятия мира, внедряемая советской идеологией, укладывалась в нехитрое построение: мы делаем великое дело, а в капиталистическом мире все помыслы направлены на наживу, секс и подготовку войны. У нас - человек человеку друг, у них - человек человеку волк. Подобной философией проникнут почти любой источник. Даже безликая статистика, создававшаяся усилиями не одного человека, «берет» и «отражает» лишь то и так, как ее воспринимают в соответствии с идеологическими установками люди, составлявшие программу того или иного обследования. В результате не только искажение или утаивание части информации, но и невозможность установления истинности и реального значения данных, поскольку они оказывались несопоставимыми с мировой статистикой, полученной по иной методике. И речь идет не столько о, так сказать, технологии сбора и обработки статистических материалов. Наша методика не просто иная технологическая операция, а скорее - операция идеологизированная, ибо ее цель не установление истины, а демонстрация, причем во что бы то ни стало, все возраставших достижений советского общества.

Период сталинизма, затем эпохи застоя и социального лицемерия наложили сильнейший отпечаток и на литературу, и на документы. Порой документы делали специально непригодными для раскрытия исторической правды, чудовищной ложью, приписками или умолчанием заслоняя истинное положение дел.

Это дает основание утверждать, что к источникам советской эпохи, точно так же, как и к более ранним документам, требуется критический подход. Эту, казалось бы очевидную, истину следует особо подчеркнуть. Дело в том, что в разное время советские историки высказывали мысль или молча подразумевали, как само собой разумеющееся, что документы советского периода почти абсолютно достоверны. Этому в значительной степени способствовало отсутствие доступа к широким пластам архивных документов, а именно архивы давали бы возможность проверить сомнительные факты в опубликованных документах. Поэтому долгие годы в источниковедении советского общества по существу сводилась на нет критика источника.

Правда, после XX съезда КПСС наметились некоторые сдвиги. Возрос интерес к теоретическим проблемам источниковедения. Большое значение имели статьи С.И. Якубовской, посвященные изучению и публикации источников по истории советского общества. Именно она вместе с В.П. Даниловым поставила вопрос о необходимости критического отношения к историческим источникам советской эпохи. Лишь немногие историки разделяли тезис о необходимости критического отношения к документам советского общества. Но отступила недолгая «оттепель» 60-х годов, и все вернулось на круги своя.

Если взять первое издание учебника М.Н. Черноморского, вышедшее в свет в 1966 г., то в нем положение В.П. Данилова и С.И. Якубовской о необходимости критического отношения к источникам советского периода всячески поддерживается. Но если мы обратимся ко второму изданию учебника, вышедшего в 1976 г., то там ничего подобного уже не отыщется.

Итак, утверждение о какой-то особой природе исторических источников по истории советского общества, якобы дающее им преимущество в доверии перед документами других эпох, лишено всякого смысла и не соответствует истине. И все же, если и говорить об особой природе советских источников, об их специфике, то такая имеется. Это их тотальная идеологизация. Хорошо налаженная в СССР агитационно-пропагандистская работа ловко придавала желательный смысл любому факту, освещая его с самой выгодной для режима стороны. Рождались не просто идеологические штампы и мифы, как необходимая атрибутика восхваления советского строя, а система методов, приемов, условий, при которых теоретически, морально обосновывались любое действие, факт и вообще все, что угодно, в любом необходимом направлении, качестве и окраске.

Чтобы понять смысл искажений, недомолвок и прямых фальсификаций документов, надо выяснить, для чего и почему это делалось. И корпи надо искать в деформациях нашей духовной жизни, морали, экономики.

Возьмем экономику застойных лет. Здесь сложился и функционировал внеэкономический метод управления народным хозяйством. Наиболее яркие черты такого метода проявились в следующем: жесткая централизация планирования и карточное (по существу) распределение ресурсов, преобладание властных мотиваций в системе управления, административные методы принятия решений, ориентированные на количественные параметры, иерархические критерии оценки руководящих кадров, постоянное воспроизводство уравнилельных тенденций и т. д. Все это порождало неучтенные, нерегламентированные, не предусмотренные инструкциями методы хозяйственной деятельности.

Просчеты, недостатки в планировании, снабжении, финансировании, распределении материальных ресурсов - как следствие вне рыночной экономики - понуждали хороших хозяйственников ради производства действовать неправыми средствами. Естественно, все это соответствующим образом отражалось в документах или не отражалось вовсе.

Многое в документах не фиксировалось вообще, поскольку резко возросло значение личных отношений. Так, недостатки планирования («от достигнутого») обходились в хозяйственной жизни кулуарными способами. Между директорами заводов и работниками министерств или главков достигалась договоренность по поводу желательного для завода плана, своего рода негласное соглашение. В результате предприятию сверху спускали в той или иной мере заниженный план, чтобы можно было приспособиться к изначально заложенной в систему планирования ненормальности. Естественно, документально он был оформлен правильно и в то же время был фальсифицированным, ибо ориентировался не на фактические, оптимальные, а на искусственно урезанные возможности предприятия. Однако установить это не просто, и здесь задача и компетенция не столько источниковедов, сколько следователей.

Такие «игровые» отношения и «джентльменские соглашения» базировались не на административно-приказных, а на личных, неформальных контактах и связях. Явление это возникло не в годы застоя, а гораздо раньше. Уже в 1935 г. в кинофильме «Три товарища» показан складывавшийся новый тип советского хозяйственника. Участник и бесстрашный боец гражданской войны стал прожженным хозяйственником, который, балансируя на дефиците, выбивал все, что ему было нужно, не брезгуя, впрочем, даже самым натуральным разбоем. Этот образ, талантливо воплощенный М.И. Жаровым, воспринимался как отклонение от нормы. Но на самом-то деле зарождавшемуся явлению была уготована долгая жизнь.

В этой связи уместно заметить, что введенный в годы так называемой перестройки Г.Х. Поповым термин, определявший суть советского режима как «административно-командной системы», не точен уже хотя бы потому, что не принимался во внимание мир неофициальных отношений. Личностные отношения своей способностью к маневрированию, нюансам как бы смягчали изначально жесткость приказной системы, особенно на уровнях непосредственного исполнения той или иной директивы.

Видимостью были и якобы производимые материальные ценности. Производиться может не только реальная, но и фиктивная стоимость - то, чего нет в природе, а есть на бумаге, т. е. мираж, натуральная «мертвая душа».

Нетрудно заключить, что подобная экономика порождала не только искаженную документацию, но исподволь меняла и человека: складывались иные представления о моральных ценностях. Поэтому двойная мораль насквозь пропитала и нашу духовную жизнь.

Главной причиной, деформировавшей духовную жизнь, была манипуляция общественным сознанием. Именно манипуляция, а не ошибки и заблуждения, которые можно было бы понять и объяснить. Это была сознательная, планомерно осуществляемая политика, которая последовательно и жестко направляла духовное развитие общества по некоей заданной схеме. Внешне все выглядело достойно. Была поставлена цель: сделать духовный мир советского человека неповторимым, богатым и разносторонним. Но добивались этой цели, не считаясь с реальной обстановкой, с объективными потребностями общественного развития. Все было ориентировано на убогое и примитивное восприятие окружающей действительности, на заранее сформулированный идеал, удовлетворяющий ограниченные вкусы и потребности.

Взгляды и мнения людей представляли противоестественный компромисс между официальными установками и тем, о чем думал, размышлял человек, о чем говорил с близкими людьми или с друзьями. В этих условиях пышным цветом расцвело двоемыслие. Что это такое?

Вообще-то двоемыслие - неизбежное явление общественного сознания в любом обществе. Но двоемыслие в эпоху сталинизма и постсталинизма в корне отличается от двоемыслия в нормальном, демократическом обществе. Там - это как бы естественное проявление многомерности человека и его сознания в условиях плюрализма и разнообразия. В советском обществе двоемыслие — следствие тотального контроля за поведением и мышлением человека, одновременно и стереотип, и защитная маска, становившаяся ликом.

Официально люди делали одно, а в личной жизни поступали совсем по-другому. Такой жизнью приучались жить и дети. Школьники рассказывали анекдоты о Брежневе и писали о нем сочинения «Слово о настоящем коммунисте».

Манипуляция общественным сознанием приобрела огромный размах. Шла откровенная спекуляция на идеалах и устремлениях людей, когда должное легко заменялось нужным, ложно понятым общественным, а чаще всего групповым или личным интересом. Руководство КПСС и послушные ей средства массового воздействия на сознание людей постоянно и навязчиво стремились доказать, что мы - самые лучшие, передовые, прогрессивные. Беспардонное хвастовство, чванливость не сходили со стра-

ниц газет и переполняли все средства массовой информации. Из духовной сферы последовательно вытравлялись такие качества, как открытость, искренность, правдивость. Поощрялась позиция «не быть, а казаться», которая открывала дорогу карьеристам.

Несмотря на расхождение между теоретическими установлениями и жизнью, делалось все, чтобы закрыть глаза на это противоречие. Вследствие этого росло недоверие к официальным заявлениям и решениям при внешней демонстрации полного с ними согласия. Выработывалось стойкое убеждение: опасно говорить правду, лучше высказывать то, что от тебя хотят услышать. Вот и говорились правильные слова, которым тот, кто их высказывал, вовсе и не собирался следовать в жизни.

Пропаганда создавала образ некоего исключительного по своей роли и положению общества. Так культивировалось мифологизированное сознание, когда при помощи пропаганды, средств массовой информации, научных выкладок бюрократическую централизацию выдавали за демократию, провалы - за достижения. Совсем как в романе Оруэлла «1984 год», в котором партийные лозунги на здании министерства правды гласили: «Война - это мир», «Свобода - это рабство», «Незнание - сила!». Всякое инакомыслие каралось под тем или иным предлогом. Попытки критического осмысления истории страны и современности квалифицировались как очернительство. В сознание и психологию людей глубоко проникла идеология не «как сделать», а «как подать».

Самыми нелепыми были методы решения неотложных проблем. Пустели тысячи деревень, а людей убеждали в успехах сельского хозяйства. Исчезали с прилавков товары, во многих магазинах провинциальных городов закрывались за ненадобностью мясные отделы, ибо торговать было нечем, в то же время не смолкала пропаганда радио и газет о росте потребления мяса, молока, яиц. Все труднее решалась жилищная проблема, а людей убаюкивали сведениями о введенных в строй квадратных метрах.

Социальное лицемерие и социальная демагогия прочно утверждались в жизни общества. Как это достигалось? В основном тремя способами: необоснованным засекречиванием, произвольной цензурой, изошренной техникой лжи, являвшейся одним из основных орудий манипулирования сознанием.

Манипулирование сознанием общества и тотальный контроль над ним - явления неразрывные. В каждый момент времени в информационном пространстве общественного сознания существуют только те тексты, сообщения, которые нужны и актуальны. Именно им пропаганда и средства массовой информации приписывают значение истинности, достоверности, ценности, правдивости. Все остальное изгоняется, снимается, табуируется.

Для советских средств массовой информации была характерна не столько «фигура умолчания» (термин, введенный в 60-е годы В.П. Даниловым), сколько «замещение информационной среды» (термин И.Л. Беленького). Последнее ежеминутно и ежесекундно рождает ложные, искаженные представления о картине мира в ее общей интерпретации и конкретно-исторических образах. Но именно сознательно направленные и дозированные соответствующими службами псевдознания и нужны гражданам тоталитарного государства. Разумеется, нужна тоталитарному государству и история, но лишь такая, которая оправдывает и объясняет всякий раз настоящее. Так формируется канон исторических представлений.

Потрясения в обществе, а они в тоталитарном государстве, прежде всего, есть репрессии, уничтожение тех или иных групп политических деятелей, деятелей культуры, социальных слоев и групп, этнических общностей, приводят к частичному переписыванию истории. Канон остается, но его отдельные составляющие могут стираться. Печатные или архивные тексты уничтожаются либо запрятываются в «спецхраны». Исчезают имена и события. Все направлено на то, чтобы стереть их из памяти общества, Общий контур социальной мифологии остается неизменным. Но массовые идеологические кампании формируют сознание и настроение масс, коллективное сознание и коллективную психологию.

Приведем простой пример. Сравните различные издания «Тихого Дона» М.А. Шолохова: из романа от издания к изданию исчезали реальные лица. Выход из такого противоречия между литературой и жизнью писатели находили. Например, А.А. Фадеев в своих произведениях стремился поменьше упоминать фамилии конкретных лиц. Мало ли что может произойти с людьми? Судьба ведь превратна.

Важнейший инструмент манипулирования сознанием - обращение к идейному наследию создателя советского государства. Гений политического прагматизма и релятивизма В.И. Ленин конкретно-ситуативным разнообразием оценок тех или иных исторических моментов, суждений по тем или иным вопросам предоставил продолжателям своего дела возможность цитировать то, что нужно в тот или иной момент.

Манипулирование общественным сознанием вкупе с другими факторами самым непосредственным образом влияли на моральное состояние людей. Моральное разложение общества дошло до крайности. Известный сатирик Эмиль Кроткий сказал великие слова: «Если бы воры составляли большинство, честность была бы наказуема как преступление». Неизвестно, сколько в нашем

обществе было и остается преступников-воров, но если в советском обществе дошло до того, что честность была наказуема, воров имелось более чем достаточно.

Такое моральное состояние общества самым непосредственным образом сказывалось на документах эпохи: не выговоренные до конца мемуары, скрывающие невысказанную горькую правду, «приписная» статистика, бодрые, «единые по духу» и высказываниям письма трудящихся, их безликие выступления на различных съездах и конференциях, дутые рапорты, фантастические обязательства и почины, которые неизвестно чем заканчивались.

С точки зрения источниковедения здесь существуют две проблемы. С одной стороны, таким документам - неискренним, лживым - невозможно верить. Но, с другой стороны, как раз это как нельзя лучше характеризует советскую эпоху. И даже умолчание источника - это скрытая информация. Такой документ с полным основанием можно спросить: о чем молчим?

Проиллюстрируем сказанное. Из нашей статистики постепенно исчезали данные о детской смертности: она в стране с определенным временем стала заметно возрастать. А это никак не совмещалось с представлением о самом лучшем обществе в мире, и были предприняты меры, которые ликвидировали, естественно, не детскую смертность, а информацию о ней.

Необоснованное засекречивание информации, как уже отмечалось, - это одно из главных средств внедрения в сознание людей социального лицемерия.

Система до абсурда расширила понимание «служебной информации». Из-за бюрократического узурпирования права на информацию постоянно нарушалась социальная справедливость, которая заключается в равном праве на доступ к социально значимой информации, являвшейся, как и другие общественные ценности, общенародным достоянием. Отсутствие или неразработанность законодательных положений о праве на информацию в сочетании со сложившейся системой ограничений на практике ведет к деградации библиотечного и архивного дела, к информационному голоду, повышает вероятность ошибочных решений, заменяет знания мифами, порождает слухи, а главное - тормозит творческую активность.

Информационный голод, испытываемый населением, постепенно проходит. Однако эффективно действующая система информирования граждан о процессах, происходящих в обществе, еще не отлажена, а сами процессы исследуются недостаточно.

Существовавшие информационные пробелы, возникавшие из-за отсутствия достоверной политической и социально значимой информации у населения, приводили к серьезным сдвигам в

мнениях людей. Отсутствие достоверных данных либо распространение неточной информации не позволяло добиваться успехов в устранении негативных явлений в обществе. Статистические сборники выходили без сведений, характеризующих преступность, теневую экономику и пр. Были неизвестны масштабы пьянства, проституции.

Информационная дискредитация граждан на протяжении десятилетий превратилась в средство отлучения от власти рядовых тружеников, специалистов высшей квалификации, работников культуры. Сам подход, нацеленный на перекрытие потоков информации, необходимой для граждан, является ущербным, поскольку обрекает живую систему общественных отношений на информационный голод, что не позволяет живому общественному организму развиваться.

Устранить информационный голод возможно лишь путем изъятия власти у инфократов, т. е. у людей, которые по роду своей деятельности имеют доступ к той или иной информации и используют ее для реализации своих властных полномочий.

Отмеченные особенности источниковой базы истории советского общества не снимают информационной ценности составляющих ее исторических источников. Необходимо уметь извлекать нужные сведения из источников, чем и призвано заниматься источниковедение.

Источниковедение - это оценка возможностей использования того или иного конкретного источника (или группы источников) в научной работе, практических целях, публицистике, художественной литературе, публикаторской работе, музейном деле и т. д.

В наше время перед историками, историками-архивистами стоит сложнейшая задача восстановления исторической истины, поскольку повсеместно на крупицы правды нагромождены груды чудовищной лжи. И это нельзя забывать ни на минуту, работая с источником.

Источниковедение является одной из важнейших вспомогательных исторических дисциплин, находящейся в тесной связи с комплексом других вспомогательных исторических дисциплин - например, с археографией, архивоведением. В то же время источниковедение имеет прямой выход на пограничные с историей науки: экономику, статистику, социологию и пр. Источниковедение - это увлекательный мир поиска. Оно явно обнаруживает свою тесную связь с криминалистикой: ведь приходится сталкиваться с изучением почерков, печатей, помет, с текстологией, устанавливать авторство и датировку документов.

Изучение конкретных документов не только помогает лучше понимать историю и современную эпоху, становится профессиональным специалистом, но и пригождается в обыденной жизни, ибо умение грамотно и убедительно вести диалог с собеседником дает опыт аналитической работы с документами.

Переходя к обзору видов исторических источников советской эпохи, еще раз напомним, что данная видовая структура источниковой базы характерна в целом для нового и новейшего времени, поэтому в этой главе выявляется лишь специфика того или иного вида в сравнении с той видовой моделью, которая представлена в обзоре исторических источников нового времени.

ГЛАВА 3

Законодательство и законодательные источники

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО относится к важнейшим документам по истории любого общества, поскольку составляет правовую основу государства; оно регулирует и направляет всю повседневную работу государственных и общественных организаций, вводит отношения между гражданами и организациями в определенную юридическую норму.

Особенность советского законодательства вытекала из принципа соединения законодательной и исполнительной работы, слияния управления с законодательством. В этом В.И. Ленин усматривал важнейшее отличие советской республики от буржуазного парламентаризма. Поэтому до принятия Конституции СССР 1936 г. законодательная власть осуществлялась несколькими органами: съездами Советов СССР и союзных республик, ЦИК СССР и республик, СНК СССР и республик⁹. Конституция СССР 1936 г. разделила законодательную и исполнительную власть и определила для каждой из них те виды актов, которые они имели право издавать. Среди них законы, принимаемые сессиями Верховного Совета СССР, Президиумом Верховного Совета СССР, постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР (Совета министров СССР)¹⁰.

Однако с 1931 г. в практику вошло принятие совместных постановлений СНК СССР и ВКП(б), что являлось абсолютно неправовым действием, так как коммунистическая партия не имела, по Конституции, таких полномочий. Тем не менее они стали важнейшими директивными указаниями по самым разнообразным вопросам народно-хозяйственной и культурной жизни страны.